

Восточный педагогический институт в структуре
высшего образования Казани в 1920-е гг.

Л.А. Бушуева

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье исследованы основные особенности организации высшего педагогического образования в Казани в первое десятилетие советской власти. Автор рассматривает положение Восточного педагогического института в структуре высшего образования города, особенности формирования кадрового состава, взаимоотношения коллектива вуза с органами власти различных уровней, структурные изменения, происходившие в институте в рассматриваемый период.

Ключевые слова: высшее педагогическое образование, Восточный педагогический институт, Казань, Народный комиссариат просвещения РСФСР

Для цитирования: Бушуева Л.А. Восточный педагогический институт в структуре высшего образования Казани в 1920-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С. 63–78. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.63-78>

В первые послереволюционные годы в Советской России стала складываться система педагогического образования, включавшая в себя обширную группу учебных заведений, состоящую из педагогических институтов, педагогических факультетов в университетах и педагогических техникумов. В дореволюционный период учителей для городских гимназий Казанской губернии готовил Казанский университет на историко-филологическом и физико-математическом факультетах, а преподавателей народных училищ – Казанский учительский институт, являвшийся средним учебным заведением. В 1918 г. после того, как состоялся Первый Всероссийский съезд по просвещению, согласно решению которого все средние педагогические учебные учреждения получали статус вузов, Казанский учительский институт был преобразован в педагогический институт. Таким образом, Казанский педагогический институт (далее КПИ) вошел в число высших учебных заведений города. В 1918 г. к ним также относились Казанский университет, ветеринарный институт, высшие женские курсы, а также еще три новых института, появившихся одновременно с КПИ: Казанский политехнический институт, преобразованный из соединенного промышленного, экономического и художественного техникума, Северо-восточный археологический и этнографический институт, созданный в октябре 1917 г. по образцу Московского археологического института, а также Казанские высшие художественные мастерские, отделившиеся в конце 1918 г. от политехников.

О первых годах работы Казанского педагогического института сохранилось довольно мало свидетельств. Известно, что он размещался в двухэтажном здании бывшего учительского института на углу улицы Грузинской и улицы Жуковского. Если в начале XX в. ежегодно в учительском институте училось 150 человек, то после отмены обязательных вступительных испытаний осенью 1918 г. здесь насчитывалось уже 495 воспитанников, в числе которых были студенты учительского института, выпускники епархиальных училищ и высших женских курсов. Поэтому новый вуз сразу оказался в стесненных материальных условиях и с недостаточной инфраструктурой [20, л.7].

Институт функционировал на основе устава педагогических институтов, утвержденного Государственной комиссией при Наркомпросе РСФСР [23, с.47]. Данный документ не был обнаружен исследователями [26, с.4.]. Однако из материалов ревизии КПИ, которая была проведена чиновниками отдела высших учебных заведений Народного комиссариата просвещения РСФСР в 1919 г., можно заключить, что организация управления этого вуза не вполне соответствовала уставному документу. Вместо положенного одного руководящего органа – президиума из пяти человек, во главе института находился совет, состоявший из почти всех преподавателей КПИ. В институте было еще два исполнительных органа – коллегия и правление. Наркомпрос РСФСР разрешил сохранить эту структуру управления, оставшуюся еще с дореволюционного времени, обосновывая эту необходимость трудностями переходного времени: «подобная конституция местной жизни имеет основания, т.к. институту приходится оборудоваться вновь и существует много хозяйственных дел. Подобная организация рассматривается советом института на время впредь до налаживания всей жизни института», – заключали проверяющие из Наркомпроса [20, л.11–12].

Во главе институтских органов управления находились бывшие сотрудники учительского института. Председателем совета являлся преподаватель истории Н.И. Заседателев. Остальные члены первого состава совета – С.Я. Зосимов, Н.Н. Сахчинский, В.А. Смирнов, также в дореволюционный период работали в учительском институте. Кроме них в состав этого органа вошел недавний выпускник историко-филологического факультета Казанского университета Валентин Тихонович Дитякин [23, с.47]. Несмотря на юный возраст, в первые годы советской власти он был хорошо известен в Казани как активный общественный деятель. В.Т. Дитякин также являлся одним из первых преподавателей марксистского минимума в казанских вузах. В совет КПИ входил брат В.Т. Дитякина Федор Тихонович Дитякин – выпускник Тимирязевской академии, ученик экономиста А.Я. Чаянова.

В Казанском педагогическом институте было организовано восемь образовательных циклов: 1. Биологический, 2. Химико-биологический, 3. Физико-химический, 4. Математический, 5. Географический, 6. Историко-социальный, 7. Литературно-художественный, 8. Краевой. По данным

ревизии больше всего студентов поступало на историко-социальный, литературно-художественный и математический циклы [20, л.7]. Самыми лучшими учебными подразделениями учащиеся считали математический и естественно-научные циклы.

Выявить численность преподавательского состава института в первые годы его работы довольно сложно из-за скудных свидетельств. Однако можно отметить, что он складывался из разных групп преподавательского сообщества Казани и постоянно менялся. В 1918 – начале 1919 гг. костяк коллектива КПИ составляли сотрудники бывшего учительского института: Н.А. Заседателев, Н.Н. Сахчинский, С.А. Зосимов, законоучитель В.А. Смирнов и другие. В институт активно привлекались профессора и преподаватели Казанского университета, без которых в первые годы советской власти не мог обойтись ни один казанский вуз. В КПИ читали лекции профессора Б.Ф. Адлер, Н.Н. Кравченко, некоторое время здесь преподавали Н.Ф. Катанов, Н.Н. Фирсов, В.В. Лепешкин [7, л.41, 138]. Однако они не работали в КПИ длительное время из-за множества других профессиональных обязанностей. В 1918–1919 гг. в институте удавалось преподавать сотрудникам Казанской духовной академии, которая уже в первые послереволюционные годы оказалась на грани закрытия. Так, кроме бывшего законоучителя В.А. Смирнова, курс педагогики, здесь вел протоиерей А.И. Дружинин. Нужно отметить, что именно его лекции по педагогике, вместе с занятиями по всеобщей истории и истории литературы В.Т. Дитякина, воспитанники института признавали самими лучшими [20, л.7].

Чиновники местного губернского отдела народного образования не могли рассчитывать на полную лояльность со стороны столь разнородного преподавательского коллектива. «Это не те работники, которые нужны соввласти», – констатировали руководители губотнароба в отчете заместителю Народного комиссариата просвещения РСФСР М.Н. Покровскому за 1919 г. [15, л.12]. Хотя в исследовательской литературе и указывается на участие в организации института местных чиновников [23, с.45], сохранившиеся документы из личного архива казанского комиссара высших учебных заведений А.А. Максимова свидетельствуют о взаимной неприязни первых руководителей педагогического института и ответственных работников губернского отдела народного образования. Так, председатель совета КПИ преподаватель истории Николай Иванович Заседателев в 1918 г. являлся активным участником родительских комитетов средних учебных заведений Казани, а во время захвата города войсками Комитета членов учредительного собрания был председателем союза родительских комитетов Казани – организации, выступавшей против отмены преподавания религиозных предметов в школе. Во время пребывания войск Комуча союз родительских комитетов приветствовал смещение А.А. Максимова и председателя городского отдела народного образования М.П. Жакова с руководящих должностей. А.А. Максимов, уже будучи профессором Института Красной профессуры, членом-корреспондентом РАН, хранил в

личном архиве экземпляр газеты «Камско-волжская речь», заметки которой красноречиво описывали реакцию учительской общественности Казани на данные события: «безграмотные большевистские деятели вроде Максимова или недоучки Жакова, вся заслуга которого заключалась в том, что по изгнанию из 6 класса реального училища, он некоторое время просидел в тюрьме, задумав реформировать школу на началах социализма, посягали на самое святое для всякого русского человека – религию и национальный принцип» [4, л.8]. Местные власти пытались оказывать влияние на КПИ, в особенности на его кадровый состав. Однако руководство института, пользуясь тем, что вуз находился в непосредственном подчинении у отдела педагогического образования Наркомпроса РСФСР, не допускало вмешательства казанских чиновников во внутренние дела.

Противостояние чиновников губернского отдела народного образования с преподавателями сподвигло А.А. Максимова на создание ряда проектов по объединению казанских вузов. В начале 1919 г. он предложил заместителю НКП РСФСР М.Н. Покровскому план организации в городе Единого советского университета. Данный проект был направлен на ликвидацию автономий местных вузов посредством объединения и полного разрушения их структуры. В Единый университет должны были войти Казанский университет, политехнический институт, высшие женские курсы, Северо-восточный археологический и этнографический институт. Отделения педагогического института должны были стать частью научной и учебной ассоциации будущего вуза [22]. Однако реализация этого проекта приостановилась весной 1919 г. из-за наступления на территорию Казанской губернии войск адмирала А.В. Колчака и перевода главного идеолога объединения казанских институтов А.А. Максимова в Москву. Хотя институт и сохранил свою самостоятельность, сохранившиеся отчеты свидетельствуют, что преподаватели из «бывших» – А.И. Дружинин, В.А. Смирнов, Н.И. Заседа-телев, лишились места работы уже в 1919 г.

Казанский педагогический институт вновь оказался в центре реформирования высшего образования города во второй половине 1919 г. В этом году вступил в силу проект Народного комиссариата просвещения РСФСР о преобразовании всех специальных педагогических учебных заведений в институты народного образования. Они должны были состоять из пяти отделений: подготовки дошкольных работников, подготовки работников школ первой ступени, подготовки работников для школ второй ступени, работников внешкольного образования и подготовки инструкторов трудовых процессов [3, с.42–43]. К педагогическому институту присоединялись все средние педагогические учебные заведения города, в том числе Казанская инородческая учительская семинария, Татарская учительская семинария (до 1917 г. Татарская учительская школа), а также все городские педагогические курсы. В Казани, таким образом, были ликвидированы средние педагогические учебные учреждения и появился Высший институт народного образования (далее КВИНО).

На первое и второе отделения нового института были зачислены воспитанники казанских учительских семинарий, на третье отделение по подготовке учителей школ второй ступени перевели студентов бывшего педагогического института, на отделение трудовых процессов набрали новых учащихся, на отделение внешкольного образования перевели слушателей курсов по внешкольному образованию [6, л.1]. Новый вуз получил в пользование помещения всех присоединенных училищ. В 1920 г. в его состав вошли Казанские высшие женские курсы вместе с их зданием на Арском поле.

Таким образом, из небольшого института Казанский педагогический институт превратился в один из самых крупных вузов города. Главными административными органами КВИНО являлись правление и совет, первые заседания которых прошли в октябре 1919 г. Преподавательский состав вуза значительно увеличился, составив в первые годы существования 56 профессоров и 64 преподавателя [23, с.55].

В отличие от КПИ, некоторые руководящие должности в вузе заняли представители советских органов власти. Так, председателем совета был выбран А.П. Машкин – бывший заведующий губернским отделом народного образования, М.П. Якубовская, также работавшая в этом учреждении, стала руководителем первого отделения по подготовке педагогов дошкольного образования. Остальные подразделения возглавили А.М. Вилькен – преподаватель естественных дисциплин бывшего Казанского соединенного промышленного училища, известный коллекционер, Д.А. Гольдгаммер – профессор Казанского университета, заведующий магнитно-метеорологической обсерваторией, В.Т. Дитякин [23, с.54]. Ф.Т. Дитякин стал руководителем отделения трудовых процессов. В структуру КВИНО также входила опытная показательная школа 2 ступени, которую возглавлял С.П. Сингалевич, и опытный педагогический техникум под руководством историка педагогики А.А. Красновского. Ректором института до своего отъезда из Казани в начале 1922 г. был известный этнограф, профессор Б.Ф. Адлер.

В 1920 г. Народный комиссариат просвещения РСФСР включил Казанский высший институт народного образования в состав «ударных» педагогических учебных заведений и наряду с медицинским факультетом университета подлежал милитаризации, т.е. должен был заниматься ускоренным выпуском специалистов [5, л.51]. Однако ухудшающееся в этот период экономическое положение, недостаток финансирования и многочисленные проблемы с материально-технической базой мешали развитию института. В отличие от университета и вузов, находившихся в центральной части Казани, корпуса КВИНО были разбросаны по всему городу, в том числе и на его окраинах. Так, два здания института, ранее принадлежавшие Казанской инородческой учительской семинарии, находились в Старо-Татарской слободе налевой набережной озера Кабан (современная улица Ш.Марджани), а дом, где ранее находилась Татарская учительская

школа, располагался на улице Екатерининской (сейчас улица Тукая) в Ново-Татарской слободе. Главным корпусом вуза оставалось здание бывшего учительского института на улице К.Маркса. Кроме неудобного расположения, корпуса бывших семинарий были непригодны для чтения общих курсов, так как здесь не было помещений, способных вместить более 100 человек. Для проведения занятий руководители вуза просили аудитории Казанского университета, помещения Рабочего дворца в Ягодной слободе, преподаватели читали лекции даже во дворе здания губернского отдела народного образования «под открытым небом» [7, л.90].

Отделение по подготовки инструкторов трудовых процессов администрации вуза поместила в Кизической слободе, так как в распоряжение института попали дома, ранее принадлежавшие Кизическому монастырю. Неподалеку от Кизического монастыря располагалась сельскохозяйственная ферма бывшего Казанского губернского земства. Администрация института планировала использовать ее в учебных целях [16, л.25]. Однако вскоре руководитель отделения трудовых процессов Ф.Т. Дитякин был вынужден констатировать, что не имеет возможности наладить образовательный процесс в месте, столь отдаленном от центральной части города. В результате занятия отделения были организованы в здании политехнического института на улице К.Маркса [16, л.25].

Судя по сохранившимся отчетам, не удалось наладить работу отделения по подготовке педагогов дошкольного образования. Относительно благополучно обстояли дела лишь у третьего отделения КВИНО, студенты которого были переведены в вуз из бывшего педагогического института.

Казанский высший институт народного образования просуществовал с 1919 г. до начала 1922 г. В 1921 г. Наркомпрос РСФСР отказался от идеи готовить учителей только в вузах и вернулся к созданию средних педагогических учебных заведений [3, с.45–46]. В 1921 г. было принято Положение о высших учебных заведениях РСФСР. А в 1922 г. в высшей школе Казани наступил серьезный кризис. В этот период произошла так называемая «профессорская забастовка», подробно описанная в работах, посвященных истории Казанского университета [24, с.317]. В числе ее участников были ученые, работавшие как в университете, так и в педагогическом институте. Так, профессора А.Я. Богородицкий и Б.П. Кротов входили в состав специальной комиссии, созданной в университете в период забастовки. После этих событий три казанских профессора были высланы «на философских пароходах», но и кроме них, под видом командировок или перевода на другое место работы, город покинул ряд ученых, в том числе и ректор Казанского высшего института народного образования Бруно Фридрихович Адлер.

В середине 1922 г. в структуре высшего образования Казани произошли изменения. Если в 1918–1920 гг. появление новых вузов практически не контролировалось государством, то с этого времени Народный комиссариат просвещения РСФСР занялся их организацией и регулировании

ем количества. На основе лесного факультета университета и сельскохозяйственного факультета политехнического института был образован Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства. После Второго съезда советских партийных школ, где была утверждена «общая сеть коммунистических университетов», открылся Татарский коммунистический университет. 22 августа 1922 г. на заседании президиума коллегии Главпрофобра НКП РСФСР было принято решение «организовать в Казани единую высшую педагогическую школу» – Восточный педагогический институт (далее ВПИ).

В ВПИ вошли все социо-гуманитарные подразделения города, кроме экономического факультета политехнического института. Это факультет общественных наук Казанского университета, Казанский педагогический институт, Восточная академия (ранее Северо-Восточный археологический и этнографический институт). Народный комиссариат просвещения РСФСР передал ВПИ здания бывшего Казанского учительского института на улице Карла Маркса, 47 (в 1925 г. его отдали курсам реализации татарского языка, взамен на здание Родионовского института благородных девиц), здание бывших Высших женских курсов на Арском поле и здание инородческой учительской семинарии на левом берегу Кабана. Кроме того, ВПИ получал 13 учебно-вспомогательных кабинета Казанского университета [9, л.141]. Нужно отметить, что схожие процессы объединения в педагогическом образовании проходили и в других учебных центрах страны. Так, в этом же году в Москве были закрыты Высшие педагогические курсы иностранных языков, Институт детской дефективности. Они вошли в состав педагогического факультета Второго Московского университета [18, л.116].

Восточный педагогический институт создавался для подготовки учителей для школ второй ступени и должен был работать согласно уставу высшей школы 1921 г. Преподавательский состав будущего института, формировался не по всероссийскому конкурсу, как это было ранее, а рассматривался по спискам, составленным специальной комиссией по устройству ВПИ. Члены комиссии предполагали, что в Восточный педагогический институт передут все сотрудники высшего института народного образования, Восточной академии и факультета общественных наук Казанского университета. Однако окончательный состав преподавателей должен был определить НКП РСФСР [8, л.3]. Каждого кандидата из списков комиссии рассматривала специальная полномочная тройка из местных чиновников и чиновников НКП РСФСР. В «тройку» вошли Г.Ф. Енбаев – представитель ТАССР при Наркомате по делам национальностей РСФСР, заместитель наркома земледелия ТАССР, А.Ф. Беляков – представитель отдела педагогического образования Наркомпроса РСФСР, Н.Д. Кочкарин – заведующий городским отделом народного образования Казани [17, л.15]. По «политическим мотивам» чиновники не утвердили бывшего директора Северо-восточного археологического и этнографического института профессора М.В. Бречкевича, которому изначально пред-

полагалось поручить курс всеобщей истории, «за преклонностью лет» рекомендовали исключить из состава будущего института профессоров Е.Ф. Будде и Д.А. Гольдгаммера, отстранили «как не марксиста» от чтения ряда предметов философа К.И. Сотонина [19, л.15], не был утвержден на должность профессора известный востоковед С.Е. Малов. Ученый отказался от преподавания в новом вузе спустя два месяца со дня его открытия. О причинах своего увольнения он красноречиво писал академику С.Ф. Ольденбургу: «с сентября (1922 г.) ликвидирован факультет общественных наук (т.е. бывший историко-филологический и юридический факультеты). Вместо него плюс Восточная академия плюс ВИНО возник Восточный педагогический институт (ВПИ). Служить преподавателем я не нашел для себя возможным среди профессоров, не сдавших магистерских испытаний (и среди преподавателей, не прошедших средней школы), но отнюдь не потому, чтобы я считал себя достойным действительно звания профессора. Администрация института и особенно администрация отделения востоковедения усиленно просила меня остаться, сообщив мне, что я на первом же заседании предметных комиссий вновь постановлено просить Московский НКП об утверждении меня профессором. На днях узнал еще новость, что закрываются 3 и 4 курсы восточного отделения только что открытого ВПИ за отсутствием на этих курсах студентов (1 или 2 человека). Мои же курсы, главным образом, распределялись на эти старшие группы. Таким образом, я здесь, в Казани, оказался не у дел, как говорится и обратился и теперь снова обращаюсь к вам с просьбой иметь меня ввиду при открывшейся вакансии, – подходящей для меня» [1, с.42]. Вскоре С.Е. Малов переехал в Петроград.

После реорганизации гуманитарного образования 1922 г. из Казани попытался уехать и известный историк Н.Н. Фирсов несмотря на то, что имел в вузовских кругах безусловный авторитет, являлся главой Научного общества татароведения и Общества археологии, истории и этнографии. По данным Л.Д. Зариповой в 1923 г. он получил должность управляющего архивом бывшего Государственного Совета в Петрограде и даже проработал несколько месяцев. Однако личные обстоятельства (смерть сына Николая) заставили ученого вернуться в Казань [21, с.73].

Первоначально Восточный педагогический институт состоял из четырех отделений: словесно-исторического, физико-математического, биолого-географического и восточного. Всего в 1922–23 учебном году здесь училось 629 студентов. Для сравнения, в 1923 г. на двух факультетах Казанского университета числилось 2450 воспитанников [24, с.327].

Словесно-историческое отделение института являлось самым многочисленным, здесь училось 361 студента. Большинство преподавателей, работавших в этом подразделении, ранее были связаны с Казанским университетом. Так, шесть человек служили на историко-филологическом факультете университета и имели дореволюционное профессорское звание: В.А. Богородицкий, Е.Ф. Будде, А.М. Миронов, Н.Н. Фирсов,

Д.П. Шестаков, С.П. Шестаков. Еще четыре человека ранее были университетскими младшими преподавателями или оставленными для подготовки к профессорскому званию: Г.А. Берг, В.Т. Дитякин, С.П. Сингалевич, В.Ф. Смолин. Кроме них в штат отделения вошли преподаватели бывшего Казанского педагогического института, большинство из них до революции 1917 г. работало в учительском институте и городских гимназиях (М.Д. Бушмакин, Г.Ф. Линсцер и другие) [10, л.167–168].

Самым немногочисленным по количеству студентов в ВПИ было восточное отделение. Оно насчитывало первоначально всего 34 человека, однако являлось весьма заметным в структуре института. Отделение было создано на базе Восточной академии, располагалось в здании бывшей инородческой учительской семинарии на левой набережной озера Кабан. Первым руководителем восточного отделения стал профессор Н.Н. Фирсов. На этом отделении работали бывшие младшие преподаватели Казанского университета, в том числе этнограф Н.И. Воробьев, историк Е.И. Чернышев, бывшие сотрудники Восточной академии из числа национальной интеллигенции – Г.С. Губайдуллин, Г.А. Рахим, Г.Шараф, Д.Валиди. За плечами у них было духовное образование, некоторые из них занимали влиятельные должности в таких советских учреждениях республики, как Академический центр Татнаркомпроса [9, л.16].

Активным деятелем восточного отделения являлся этнограф и публицист В.И. Анучин. Он входил в число преподавателей, не желавших мириться с педагогическом уклоном обучения студентов. Ученый и его коллеги хотели создать на базе отделения научный востоковедческий центр. Об этом свидетельствуют проекты, которые они предоставляли в Народный комиссариат просвещения о восстановлении полноценного преподавания восточных дисциплин. Как отмечал ученый: «Оставаться под фальшивую вывеской «Отделения Востоковедения», т.е. вводя в заблуждение и центр, и наших студентов, так как Востоковедения у нас не было, а создать его Правление запрещало, ...было зорно» [2, с.72]. Как уже было отмечено, Казань к этому времени лишилась С.Е. Малова, еще в 1922 г. умер Н.Ф. Катанов. Потерю крупных востоковедов сотрудники восточного отделения пытались компенсировать приглашениями столичных преподавателей, в том числе и ректора Ленинградского института живых восточных языков А.Н. Самойловича. Он приезжал в 1924 г. в Казань и читал курс по тюркологии студентам ВПИ. Однако стремления преподавателей восточного отделения восстановить востоковедческий центр оборачивались конфликтами с учебной частью вуза, в руководстве которой были, главным образом, бывшие учителя дореволюционных средних учебных заведений. Так, против научно-исследовательской направленности отделения выступал заведующий учебной частью Герман Федорович Линсцер, бывший директор Тенишевского лицея в Петербурге, а также студенты-активисты из партийной ячейки ВПИ.

На физико-математическом и биолого-географическом (с 1926 г. естественно-агрономическом) отделениях института училось более 200 студентов. Нужно отметить, что в отчетах о деятельности ВПИ эти подразделения характеризовались как слабые в сравнении со словесно-историческим, хотя здесь работали такие крупные ученые, как А.Е. Арбузов, А.Ф. Самойлов, Н.Н. Парфентьев и другие. Однако они являлись внештатными сотрудниками ВПИ. Основным местом их работы был или университет, или институт сельского хозяйства и лесоводства. Чиновники Татаркомпроса видели в этом главный недостаток отделений. Уполномоченный по делам вуз Казани Н.-З. Векслин в материалах по обследованию ВПИ, проведенном в 1926 г., отмечал: «отделения естественно-агрономическое и физико-математическое не имеют своего органически сросшегося с вузом кадра профессоров и преподавателей по специальным дисциплинам (зоология, ботаника, геология и т.п.). Это ведет к нивелировке преподавания. Одни и те же курсы, как правило, читаются одновременно для медиков университета и естественников ВПИ, для математиков университета и ВПИ. Это ведёт и к понижению научно-исследовательской работы специальных кафедр вуза» [11, л.91].

Несмотря на то, что в отчетах о деятельности ВПИ значилось наличие 22 кабинетов и лабораторий, а также биостанция, практические и лекционные занятия для студентов физико-математического и биолого-географического отделений в большинстве случаев проходили не в Восточном педагогическом институте, а в учебных кабинетах и лабораториях университета. С 1924 г., когда здание бывшего коммерческого училища на улице Карла Маркса перешло к Казанскому институту сельского хозяйства и лесоводства, будущие педагоги стали посещать занятия и со студентами-сельскохозяйственниками, из-за чего часто возникали заминки в учебном процессе. Профессора и преподаватели жаловались на тесноту помещений, студенты были недовольны учителями, т.к. те иногда позволяли себе называть занимающихся в чужих кабинетах и лабораториях «гастролерами». Из-за недостатка финансирования в этот период естественные отделения ВПИ так и не избавились от зависимости от университета и института сельского хозяйства и лесоводства.

В течение 1920-х гг. структура Восточного педагогического института неоднократно менялась. Изменения касались, главным образом, гуманитарных отделений. В 1925 г. словесно-историческое отделение было преобразовано в общественно-экономическое и быстро стало самым популярным среди студентов. Именно оно являлось в вузе проводником революционных начинаний, «активных» методов преподавания, завязанных на практику. Преподаватели этого отделения хотя в большинстве своем и были беспартийными, читали дисциплины общественно-экономического характера в других казанских вузах, в том числе в институте сельского хозяйства и лесоводства, Татарском коммунистическом университете.

С 1925 г. восточное отделение было разделено на национальные отделения: сначала на татарское и чувашское национально-лингвистическое отделения, с 1926 г. к ним добавились вотское и марийское отделения. С одной стороны, после закрытия восточного отделения из Казани уехал ряд преподавателей, в том числе Газис Губайдуллин, историк искусств Алексей Миронов. С другой стороны, руководство педагогического института привлекло в Казань представителей чувашской, марийской научной интеллигенции. На чувашском отделении начал работать Николай Иванович Ашмарин – авторитетный исследователь чувашского языка. Сюда же перешел этнограф Николай Васильевич Никольский.

В середине 1925 г. биолого-географическое и физико-математическое отделения также были преобразованы в естественно-агрономическое и физико-техническое отделение соответственно. Однако большинство преподавателей и почти все профессора этих подразделений оставались внештатными сотрудниками Восточного педагогического института. А так как аспирантура в педагогическом институте не предусматривалась (здесь существовала только практика выдвиженчества), подготовка преподавательских кадров из собственных выпускников ощутимых результатов не давала.

В конце 1920-х гг. началась эпоха «Великого перелома», когда высшее образование перекраивалось под нужды коллективизации и индустриализации. Хотя решения июльского и ноябрьского пленумов ЦК ВКП(б) 1929 г. в первую очередь были направлены на реорганизацию высшего технического образования, ряд их положений касались и педагогических вузов. Так, на заседаниях правления Восточного педагогического института обсуждалась резолюция ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 16 ноября 1929 г. по вопросу о подготовке кадров, исходя из которой руководители ставили перед вузом такие задачи, как «устранить второгодничество, сократить сроки обучения, перейти на непрерывный год обучения, на непрерывную производственную практику, улучшить качественно и расширить количественно подготовку кадров, пополнять педагогические кадры специалистами с производства, выдвигать партийцев, придать отделениям более целевое назначение, добиться трудовой дисциплины» [14, л.43]. В отличие от отраслевых вузов, которые передавались в подчинение соответствующим наркоматам, Восточный педагогический институт остался в ведении Наркомпроса РСФСР. Также в отличие от Казанского университета, из которого впоследствии отделился медицинский факультет, или института сельского хозяйства и лесоводства, разделенного на два вуза, в педагогическом институте не планировалось кардинальное изменение структуры. Однако и ВПИ предстояло вынести ряд ревизий, приведших его к реорганизации.

В 1928 г. в связи с политикой коренизации был смещен с должности ректора первый руководитель института профессор С.П. Сингалевич. Вместо него был назначен бывший руководитель Таткожтреста, замести-

тель председателя Совета народного хозяйства ТАССР Г.Г. Кудояров. Схожие кадровые назначения были и во вновь открывающемся политехническом институте, директором которого стал З.З. Гимранов, являвшийся до этого ответственным секретарем татаро-башкирской коллегии при губкоме РКП(б) в Уфе.

В 1929 г. состоялась очередная большая проверка Восточного педагогического института, по итогам которой со второго полугодия 1929–30 учебного года ВПИ перешёл на сокращённый срок обучения – с четырёхлетнего на трехлетний. Ряд предметов администрация сняла с учебных курсов как «не отвечающие основным задачам подготовки педагогов». На национальных отделениях перестали преподавать в качестве самостоятельных дисциплин этнографию, фольклор и поэтику, историю татарского народа, чувашского народа, историю мари, современную экономику и политику Востока, колониальную политику, арабский и финский языки, историю Среднего и Ближнего Востока, историю восточных литератур [14, л.15].

Доля учебной практики в учебном процессе увеличилась до 45%. Практика была непрерывной и делилась на три вида: педагогическая, практика в мастерских института и политехническая практика на производстве. В новых планах был усилен «марксистско-ленинский цикл», включавший диалектический материализм, политическую экономию, советское хозяйство и экономическую политику, ленинизм. На эти предметы отвели около 12% общего количества всех занятий студентов, включая производственную практику, и около 20% от всех теоретических курсов. По заявлению директора института Г.Г. Кудоярова, это позволило усилить в новых учебных планах «специальные дисциплины с их большей концентрацией на установку по подготовке узкого специалиста» [14, л.15].

По итогам проверки 1929 г. было предсказуемо решено ускорить перелицовку социально-политического состава студенчества ВПИ, поспешно готовить новые кадры [13, л.90–92]. В связи с этим в институте обострились поколенческие конфликты, инициаторами которых становились, главным образом, ячейки ВКП(б) при Восточном педагогическом институте – главные организаторы институтских кампании по «самокритике». В связи с этими процессами постепенно менялся кадровый состав вуза. Так, на татарское национальное отделение пришли специалисты, тесно связанные с советскими и партийными учреждениями. В 1928 г. его заведующим стал бывший нарком просвещения Крымской АССР Н.К. Мухутдинов [12, л.34]. В 1929 г. здесь начал преподавать М.А. Фазлуллин – активный участник перевода татарского алфавита на яналиф, быстро получивший должность профессора [14, л.21]. После увольнения Г.Рахима его место занял главный редактор Татаиздата Г.А. Нигмати [14, л.21]. Ассистентом татарского национального отделения в этот период стал литератор Г.Тулумбайский, публикации которого спровоцировали арест Д.Валиди [25].

В 1929 г. начались кампании против «старой профессуры» института. Особенно громкой была идеологическая травля в периодической печати

профессора Н.Н. Фирсова, поддержанная его коллегами Е.Грачевым, С.П. Сингалевичем, В.Т. Дитякиным. Она не была непосредственно связана с его деятельностью в ВПИ. Критике, главным образом, подвергалась работа ученого в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Тем не менее, это привело к увольнению известного историка из педагогического института [21, с.80–85]. Из вуза также были вынуждены уйти его ученики и коллеги по общественно-экономическому отделению Е.И. Чернышев, Н.И. Воробьев, археолог В.Ф. Смолин.

Публикация письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» спровоцировала в казанских вузах новую волну идеологических кампаний. В Восточном педагогическом институте письмо обсуждалось сначала на вузовских собраниях, затем для проверки реализации положений письма организовывались специальные бригады из аспирантов и представителей «пролетарского студенчества». Члены бригад посещали заседания кафедр, просматривали протоколы и отчеты, изучали исследовательские работы сотрудников института на предмет «соответствия марксистско-ленинской теории», «вели беседы» с преподавателями. После этого начинался второй этап идеологической кампании – «движение за самокритику», когда ученые института публично критиковали собственную деятельность и «изобличали» свои ошибки [15, л.43]. В результате этих «проработок» преподавательскую деятельность в институте завершили известный историк педагогики В.Я. Струминский, филолог М.А. Васильев, пошатнулся авторитет С.П. Сингалевича, что привело к его увольнению из педагогического института и последующей высылке из Казани в середине 1930-х гг.

К началу 1930-х гг. в ВПИ были закрыты национальные отделения и переведены в соответствующие республики. Восточный педагогический институт был переименован в Татарский педагогический институт. Его работу пытались перестроить по образцу технических вузов, отнеся к категории индустриально-аграрных педагогических институтов. Здесь должны были готовить учителей для фабрично-заводских семилеток на двух факультетах – факультете политехнической школы и факультете профессионально-технической школы. Однако несмотря на то, что эксперименты советских властей в области высшего педагогического образования закончились лишь к концу 1930-х гг., в отличие от других отраслевых вузов Казани (института сельского хозяйства и лесоводства, политехнического института), педагогический институт сохранил целостность и занимал значимое положение в структуре высшего образования ТАССР на протяжении всего советского периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бухарин М.Д., Поникаровская М.В. Письма С.Е. Малова к С.Ф. Ольденбургу // Вестник истории, литературы, искусства. Т.12. 2017. С.435–448.

2. *Валеев Р.М., Валеева Р.З., Хайрутдинов Д.Р.* Востоковедение в Казани: Восточный факультет должен существовать при Казанском государственном университете. 1924–1925 // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2020. №3. С.65–90.

3. *Васильев К.В.* Очерки по истории высшего педагогического образования РСФСР (1918–1932 гг.). Воронеж, 1966. 294 с.

4. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.667. Оп.1. Д.26.

5. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.3.

6. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.6.

7. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.13.

8. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.29

9. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.32.

10. ГА РТ. Ф.Р. 1487. Оп.1. Д.39.

11. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.172.

12. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1 Д.195.

13. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.248.

14. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.279.

15. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.323.

16. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1л. Д.6.

17. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.А–1565. Оп.3. Д.157.

18. ГА РФ. Ф.А–1565. Оп.3. Д.377.

19. ГА РФ. Ф.А–1565. Оп.6. Д.190.

20. ГА РФ. Ф.А–2306. Оп.4. Д.222.

21. *Зарипова Л.Д.* Российская история в трудах Н.Н. Фирсова: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 226 с.

22. Знамя революции. 15 января. 1919 г.

23. Казанский государственный педагогический институт. Казань, 1974. 198 с.

24. *Корбут М.К.* Казанский университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. Т.2. Казань: Изд. Казан. ун-та, 1930. 198 с.

25. *Рахимов С. Дж.* Валиди: «У меня разногласия с соввластью» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №1–2. С.150–173.

26. *Хрусталева В.А.* К истории высшего педагогического образования в РСФСР. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1963. 167 с.

Информация об авторе:

Бушueva Людмила Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: bushueva9@mail.ru

Поступила 10.10.2022

Принята к публикации 15.12.2022

Eastern Pedagogical Institute in the structure
of higher education in Kazan in the 1920s

L.A. Bushueva

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

In the paper the main features of the organization of higher pedagogical education in Kazan in the first decade of Soviet power are searched. The author examines the position of the Eastern Pedagogical Institute in the structure of higher education in the city, the features of the formation of the staff, the relationship of the university staff with authorities at various levels, structural changes that took place at the institute during the period under review.

Keywords: higher pedagogical education, Eastern Pedagogical Institute, Kazan, People's Commissariat of Education of the RSFSR

For citation: Bushueva L.A. Eastern Pedagogical Institute in the structure of Kazan higher education in the 1920s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.63–78. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.63-78> (In Russian)

REFERENCES

1. Bukharin M.D., Ponikarovskaya M.V. Pis'ma S.E. Malova k S.F. Ol'denburgu [Letters from S.E. Malov to S.F. Oldenburg]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*, 2017, t.12, s.435–448. (In Russian)
2. Valeev R.M., Valeeva R.Z., Khayrutdinov D.R. Vostokovedenie v Kazani: Vostochnyy fakul'tet dolzhen sushchestvovat' pri Kazanskom gosudarstvennom univerisitete. 1924–1925 [“Oriental Studies in Kazan: the faculty of Oriental studies should exist under Kazan State University. 1924–1925”]. *Gasyrlar avazy-Ekho vekov*, 2020, no. 3, pp.65–90. (In Russian)
3. Vasil'ev K.V. Ocherki po istorii vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v RSFSR (1918–1932 gody) [Essays on the history of higher pedagogical education in the RSFSR (1918–1932)]. Voronezh, 1966. 294 p. (In Russian)
4. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT) [State Archive of the Republic of Tatarstan]. F.667. Op.1. D.26. (In Russian)
5. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.3. (In Russian)
6. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.6. (In Russian)
7. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.13. (In Russian)
8. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.29. (In Russian)
9. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.32. (In Russian)
10. GA RT. F.R. 1487. Op.1. D.39. (In Russian)
11. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.172. (In Russian)
12. GA RT. F.R–1487. Op.1 D.195. (In Russian)
13. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.248. (In Russian)
14. GART. F.R–1487. Op.1. D.279. (In Russian)
15. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.323. (In Russian)
16. GA RT. F.R–1487. Op.11. D.6. (In Russian)

17. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation]. F.A–1565. Op.3. D.157. (In Russian)
18. GA RF. F.A–1565. Op.3. D.377. (In Russian)
19. GA RF. F.A–1565. Op.6. D.190. (In Russian)
20. GA RF. F.A–2306. Op.4. D.222. (In Russian)
21. Zaripova L.D. Rossiyskaya istoriya v trudakh N.N. Firsova: Diss. ... kand. ist. nauk [Russian history in the writings of Nikolai Firsov: cand. sci. (history) thesis]. Kazan, 2006. 226 p. (In Russian)
22. Znamya revolyutsii, 15 yanvarya, 1919 g. [Banner of the Revolution, January 15, 1919]. (In Russian)
23. Kazanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institute [Kazan State Pedagogical Institute]. Kazan, 1974. 198 p. (In Russian)
24. Korbut M.K. Kazanskiy universitet imeni V.I. Ul'yanova-Lenina za 125 let. 1804/05–1929/30 [Kazan University named after V.I. Ulyanov-Lenin for 125 years. 1804/05–1929/30]: in 2 vols. Vol. 2. Kazan: Izd. Kazan. un-ta, 1930. 382 p. (In Russian)
25. Rakhimov S. Dzh. Validi: «U menya raznoglasiya s sovvlast'yu» [J.Validi: “I have disagreements with the Soviet government”]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1996, no. 1–2, pp.150–173. (In Russian)
26. Khrustaleva V.A. K istorii vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v RSFSR [For the history of higher pedagogical education in the RSFSR]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1963. 167 p. (In Russian)

About the author:

Bushueva Liudmila Aleksandrovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Center of history and theory of national education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); e-mail: bushueva9@mail.ru

Received October 10, 2022

Accepted for publication December 15, 2022